

Дело Ильи Романова. Хроника суда: день восьмой

26.06.2015, 02:52 Нижегородская область

РЕПОРТАЖ

Дело Ильи Романова. Хроника суда: день восьмой

Вчера, 25 июня, выездная коллегия Московского окружного военного суда продолжила допрос свидетелей по уголовному делу Ильи Романова, нижегородского анархиста, обвиняемого по четырем статьям Уголовного кодекса РФ: ч. 1 ст. 30 ч. 1 ст. 205 (приготовление к террористическому акту), ч. 1 ст. 222 (незаконное хранение, перевозка или ношение боеприпасов), ч. 1 ст. 223 УК РФ (незаконное изготовление боеприпасов) и ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 205.2 (покушение на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, совершенные

с использованием средств массовой информации).

В зал суда были вызваны двое сотрудников ФСБ, участвовавшие в обыске на съемной квартире, где проживал анархист незадолго до инцидента со срабатыванием пиротехнического устройства у него в руках. По поводу показаний обоих свидетелей подсудимый Илья Романов высказался, что их стоит расценивать критически, потому что, несмотря на отсутствие личной неприязни по отношению к нему, может иметь место служебная заинтересованность.

Стоит отметить, что поначалу оба свидетеля давали четкие и уверенные показания, но стоило стороне защиты начать задавать вопросы или обнаруживать явные противоречия с первоначальными показаниями, полученными на предварительном следствии, у сотрудников ФСБ случались приступы амнезии, сходные с теми, которые наблюдались при допросе в судебном заседании у старшего дознавателя Анжелики Балакиной-Кочетковой. Они также резко переставали помнить события, ничего не знали или не могли пояснить.

Первым был допрошен полковник ФСБ Сергей Кирсанов. В Управлении Федеральной Службы Безопасности по Нижегородской области он является начальником взрывотехнического подразделения 3-го отделения. В день обыска на съемной квартире 26 октября 2013 года он был начальником группы из четырех взрывотехников ФСБ. В судебном заседании Кирсанов пояснил, что до начала обыска первичный осмотр произвел кинолог с собакой, при этом дознаватель, группа взрывотехников, криминалист, понятые, а, возможно, и еще какие-то оперативные сотрудники оставались на лестничной площадке. Собака реакции не дала, но кинолог в помещении обнаружил подозрительную спортивную сумку. Далее в квартиру вошел один из взрывотехников,

предположительно, по фамилии Шорохов, также без понятых. Он и нашел в сумке стеклянную банку с порошкообразным кристаллическим веществом белого цвета, пригласил дознавателя и эксперта-криминалиста с понятыми, которые сфотографировали банку и были удалены. Далее зашел кто-то еще из взрывотехников, также один и без понятых, чтобы отобрать термопробу, на основании которой он сделал вывод, что белое вещество из банки является взрывчатым, а именно, перекисью ацетона. После этого в квартиру вошел еще один взрывотехник, вероятнее всего, Патрин, чтобы взять пробу вещества для дальнейших исследований. И снова один, без понятых. Всего взрывотехник — то ли один и тот же, то ли разные — заходил в квартиру без понятых пять-семь раз.

По ходатайству стороны защиты, были оглашены показания Кирсанова, данные на предварительном следствии, из которых следовало, что и обнаружил банку с белым порошком, и брал пробы он сам. Однако это несколько не смутило сотрудника ФСБ, и он пояснил, что так его показания записал следователь ФСБ Кауркин, а сейчас он, свидетель, не помнит, он это был или не он.

По поводу пузырька с прикрепленной к нему пластиковой трубкой и жидкостью серого цвета внутри, определенного как взрывное устройство, свидетель Кирсанов пояснил, что его нашли в той же спортивной сумке, где и банку. Хотя из показаний дознавателя Балакиной-Кочетковой следовало, что этот пузырек обнаружили в одной из запертых комнат.

Весьма интересно, как сотрудник ФСБ определил количество взрывчатого вещества в банке. Оказывается, на глаз: банка чуть больше, чем пол-литра, а заполнена где-то на половину, значит, 150–200 грамм. Это его личное мнение. Более того, как выяснилось, и эксперт-взрывотехник ФСБ Захаров почти также установил

количество этого вещества — путем осмотра фотографий банки, потому что саму банку, залитую моющим средством для обезвреживания, утопили в Волге.

При вопросе о том, кто обнаружил мелкие нарубленные гвозди, которые могли использоваться как поражающие элементы во взрывном устройстве, память подвела свидетеля, хотя, по его уверениям, он в момент их обнаружения в сумке находился в комнате. При этом он утверждал, что видел их в сумке, и «в его памяти отложилось, что гвозди лежали кучкой». Однако в его первоначальных показаниях было зафиксировано, что он сам разбирал эту сумку.

Далее Кирсанов заявил, что при обыске осматривались все три комнаты в квартире. Хотя до этого риелтор Олег Чижевский, допрошенный в судебном заседании в качестве свидетеля, пояснил суду, что подсудимый мог бывать лишь в одной комнате, потому что две другие были заперты, и когда Чижевский после проведенного сотрудниками полиции обыска посетил квартиру, комнаты также оставались запертыми. Свидетель Кирсанов же утверждал, что комнаты открывались. «Кто-то находил ключи и приносил их дознавателю», — сказал он.

Кроме того, свидетель рассказал, что при обыске присутствовали некие люди, которые не представлялись. Кто это был, он не знает.

После этого в судебном заседании в качестве свидетеля был допрошен капитан УФСБ, эксперт-взрывотехник Николай Патрин. Из его показаний вырисовывалась несколько иная картина происходящего. После того, как кинолог с собакой провел первичный осмотр помещения, туда вошел кто-то из взрывотехников с манипулятором, кто именно, свидетель, конечно же, не помнил, однако все-таки вспомнил, что не он сам. Этот взрывотехник зашел один, без понятых, достал все предметы из сумки и разложил на полу, пока все другие участники обыска —

дознаватель, группа взрывотехников ФСБ и понятые — стояли на половину лестничного пролета ниже. Этот же загадочный взрывотехник зашел в помещение снова, естественно, без понятых, один, чтобы сфотографировать все содержимое сумки. После чего вернулся на лестничную клетку и предъявил фотографии всем остальным участникам событий. Гвозди свидетель на фотографиях не припомнил. После этого все вошли в квартиру, в том числе и понятые. Вещи к этому моменту были разложены на полу. Кто проводил термопробу, Патрин вспомнить так и не смог: может, не он, а может, и он сам.

Далее суд приступил к оглашению материалов дела. Среди прочего было оглашено заключение комиссионной экспертизы, согласно которому повреждения, полученные Ильей Романовым от взрыва пиротехнического устройства, не создавали опасности его жизни. Стоит отметить, что и следствие, и обвинение настаивает, что травмы Романова были опасны для жизни, стараясь использовать данный факт как доказательство того, что в руках у него сработало именно взрывное устройство, а не пиротехническое, как утверждает сторона защиты. Именно по этой причине проводилась дополнительная экспертиза, в которой следователь Кауркин поставил вопрос экспертам о том, могли ли полученные повреждения привести к смерти подозреваемого при условии отсутствия своевременной квалифицированной помощи. Однако даже на вопрос, поставленный в такой форме, эксперты дали однозначный ответ, что повреждения не относятся к числу несущих непосредственную угрозу жизни, хотя и допустили гипотетическую возможность смерти при неоказании надлежащей помощи.

Также были оглашены протоколы осмотра системного блока компьютера, изъятого на съемной квартире, который принадлежал повесившемуся в одном из отделений

полицейского города Сергею Ветошко. Именно на этом компьютере был обнаружен документ с текстом: «Шанцев, Сорокин, Кондрашов! Если не прекратите рубить парки, взорву всех к... матери», создание которого приписывается Илье Романову. На нем же был обнаружен некий документ под названием «Арийский террор». Судя по протоколам осмотра, это брошюра «для белых террористов» с рекомендациями относительно ведения террористической деятельности. Якобы этот файл был записан на компьютер с CD-диска 25 октября 2013 года. Сам Илья Романов настаивает, что впервые увидел эти документы в печатном виде 6 декабря 2013 года, уже после своего ареста, в ЦПЭ, куда был этапирован из СИЗО по так до сих пор и не выясненным причинам. Их предоставлял ему оперативный сотрудник ЦПЭ Иван Решетов.

В протоколах осмотра нет никаких указаний, как был упакован и опечатан системный блок, а на прилагаемых фотографиях вообще отсутствуют следы упаковки. Первый осмотр производился не сразу после изъятия в ходе обыска 26 октября, а только 15 ноября, после того как 28 октября системный блок был направлен на исследование в ФСБ.

На системном блоке отсутствуют следы пальцев обвиняемого, при этом дактилоскопическую экспертизу проводил капитан ФСБ Патрин, который является экспертом-взрывотехником. Стоит отметить, что в ходатайстве адвоката Губина о проведении дополнительного дактилоскопического исследования на стадии предварительного следствия следователем Кауркиным было отказано.

Было оглашено заключение эксперта УФСБ старшего офицера Дениса Туренко от 7 августа 2014 года относительно изъятого системного блока. Илья Романов обратил внимание, что в соответствии с выводами

экспертизы, документы «Арийский террор» и файл с текстом с угрозами в адрес руководителей города и области никогда не распечатывались. Однако, в протоколах осмотров системного блока, которые проводились до назначения экспертизы, фигурируют печатные копии этих документов.

В окончании судебного заседания прокурор Езерский начал оглашать протокол прослушивания аудиозаписи программы Радио РКАС Libertaire «Диалоги» с Ильей Романовым. По версии обвинения, именно в этом интервью анархист покусается на призывы к террористической деятельности. Только прокурор начал входить в роль радиоведущего, попутно назвав Илью Романова «либеральным коммунистом», как буквально на полуслове был прерван судом, и в судебном заседании был объявлен перерыв до 10.00 утра сегодняшнего дня.

(Автор текста не смогла посетить шестое и седьмое заседания — прим. ОВД-Инфо).

Дело Ильи Романова

13 16